

Ответственность театра перед человечеством

С неослабевающим успехом в Риге гастролирует Ленинградский дважды орденоносный Большой драматический театр имени М. Горького. Наш корреспондент встретился с его главным режиссером — народным артистом Советского Союза, лауреатом Ленинской и Государственных премий СССР Георгием Александровичем Товстоноговым. С краткой записью состоявшейся между ними беседы мы и знакомим сегодня читателей газеты.

— Незадолго до приезда в столицу Латвийской ССР вы вернулись из Мадрида, где проходил конгресс Международного института театра. Что являлось его отличительной чертой?

— Забота о судьбах человечества, о том, чтобы, следуя своему художническому и гражданскому долгу, театр помогал сближать народы различных стран и континентов, не допуская разжигания между ними вражды. Забота эта очень важна в наши дни, когда факельщики термоядерного лобби разрушают атмосферу доверия между государствами, отравляют политический климат, на пороге третьего тысячелетия ставят под смертельную угрозу существование земной цивилизации.

На генеральной ассамблее конгресса, заседаниях его постоянных комитетов наши профессиональные проблемы рассматривались с позиций жизни и ради жизни, с позиций прославления добра и разума. Подчеркивалось, что великую духовную, общественно преобразующую силу театрального искусства, его пафос и политическую активность следует подчинить формированию у зрительской аудитории высоких идей и благородных чувств. Вот почему очередной, девятнадцатый по счету конгресс нашего Международного института и проходил под девизом «Ответственность театра перед человечеством».

— На идеологическом фронте во всемирном масштабе с небывалым ожесточением идет непрекращающийся бой. Видимо, не обошел он стороной и работу конгресса?

— Разумеется. Представители Соединенных Штатов Америки и Федеративной Республики Германии, например, пытались отвлечь внимание участников дискуссий от острых проблем современности закомуфлированной проповедью безыдейности, аполитичности, словом, «чистого искусства», «искусства ради искусства». Как видите, и по сей час не утратила своего актуального значения мысль Виссариона Белинского о том, что отнимать у искусства право служить общественным интересам — значит не возвышать, а унижать и даже убивать его. Нельзя жить в обществе и быть в стороне от его насущных проблем во всех областях деятельности.

Делегация многонационального Советского Отечества была на конгрессе не только самой представительной, но и наиболее активной. Осящая себя посланцами общества развитого социализма — самого справедливого общества, созданного человечеством за всю его долгую историю, мы страстно и наступательно доказывали, что

— Для нас эта горьковская формула остается незыблемой, как и горьковское утверждение человека большого деяния, притом человека всех времен и народов. Таким же актуальным остается для нас горьковский гуманизм. В нем мы видим для себя плодотворную и живительную почву.

На пройденном театром более чем шестидесятилетнем пу-

вне боевого духа современности реалистический театр не может жить и развиваться, быть глашатаям народных масс.

Отрадно, что подавляющее большинство делегатов конгресса сходились на том, что любой театральный спектакль следует рассматривать не только как явление искусства, но и явление общественной жизни. И не случайно по предложению представителей стран социалистического содружества было принято решение провести в Софии летом будущего года фестиваль театра наций на ту же тему, которая обсуждалась конгрессом — «Ответственность театра перед человечеством».

— Алексей Максимович Горький как-то сказал, что литература должна встать выше жизни. Применительно к древнейшему и труднейшему литературному жанру — драматургическому, а стало быть, и к драматическому искусству, это означает находить и отбирать самые существенные для эпохи явления, прозорливо видеть то прекрасное будущее, во имя которого мы живем, трудимся, боремся и побеждаем.

ти были, конечно, и досадные потери, и счастливые приобретения. Но всегда и во всем актеры и режиссеры соразмеряли свою творческую деятельность с мерой личного участия в накоплении духовных богатств Родины, которые не менее важны, чем материальные. При этом каждый неизменно задумывался над вопросом: а в какой степени мой творческий труд нужен моему народу, моей стране?

— Визитной карточкой каждого театра является его репертуар. По какому принципу, Георгий Александрович, вы формируете его?

— Напомню, что наш первый в стране советский драматический театр был создан в Петрограде в 1919 году при активном участии М. Горького, А. Блока и М. Андреевой. Они хотели видеть в нем театр героического репертуара — трагедии, романтической драмы и высокой комедии. Вместе со временем естественно претерпевают изменения традиции нашего театра. Мы привезли в

Ригу не весь наш репертуар. Однако по гастрольной афише рижане могут судить, насколько мы последовательны в осуществлении программы, выдвинутой основателями театра. Жизнеутверждение и романтика пронизывают наши спектакли, разные по темам и жанрам. Правда, в наши дни романтика и понимается, и выражается иначе, нежели в прежние времена, — она рождается на конкретной основе. Да и интеллектуальное начало также вступает в противоречие с прежним пониманием романтизма, а советский театр немислим без интеллектуального начала. Словом, преемственность в искусстве связана и с отрицанием уже найденного. В этом — путь к новым открытиям, к новаторству. Этим я, например, руководствовался, вторично поставив в нашем же театре «Оптимистическую трагедию» Всеволода Вишневского.

— Около трехсот театров нашей страны показывают на 46 языках народов СССР пьесы советских драматургов, классиков и современных зарубежных авторов. В чем вы видите успех воплощения национальных черт сценического образа?

— Начнем с того, что актеру следует воплотить этот образ, а не приспособлять его к себе. Дело это трудное, но способствует раскрытию новых граней актерского дарования.

На нашей сцене шли и идут пьесы грузинских драматургов Н. Думбадзе — «Я, бабушка, Илико и Илларион», А. Цагарели — «Ханума», венгерских драматургов К. Сакони — «Телевизионные помехи» и И. Эржена — «Кошки-мышки», американцев А. Миллера — «Цена» и Д. Кобурна — «Игра в карты», все разом не перечесть.

Еще Тургенев утверждал: вне национальности нет искусства. А призвание театра — передать в национально-своеобразной форме общечеловеческое. Стало быть, нельзя ограничиваться одним лишь изображением внешнего национального облика человека. Самое важное и главное — глубоко проникнуть в самую сущность национального характера. В доказательство приведу несколько примеров из собственных постановок пьес национальных авторов на русской сцене.

Приступая в нашем театре к репетициям «Ханумы» и представив себе пластическую партитуру ролей, характер мизансцен, я больше всего заботился о том, чтобы актеры, получившие в пьесе роли, непременно прониклись свойством натур, душевным настроением, внутренним задором тех персонажей, жизнь которых им предстояло затем прожить на сценических подмостках. Чтобы в спектакле весомо, значительно и музыкально зазвучало слово, мы соображали над складом грузинской речи, ее лексикой. Отсюда и пришли умение говорить и слушать, походка, жесты, которые, будучи дополнены бытовыми подробностями, окрасили представление не

псевдо, а подлинным национальным колоритом.

Многим рижанам должна была запомниться и точная казачья речь Григория Мелехова, роль которого в шолоховском «Тихом Доне» исполняет Олег Борисов. А в Ленинграде он сыграл еврея-часовщика в эпизоде из «Кремлевских курантов» в посвященной В. И. Ленину композиции «Перечитывая заново». Сыграл ярко, достоверно, без ставших штампом жесты и акцента.

Мне доводилось ставить пьесы русских классиков на зарубежной сцене: горьковских «Мещан» в Софии, «Ревизора» Н. Гоголя в Будапеште, «На всякого мудреца довольно простоты» в Варшаве, чеховских «Трех сестер» в Хельсинки, «Идиота» Ф. Достоевского в Гамбурге. Главный пафос работы болгарских, венгерских, польских, финских, немецких актеров в интерпретации образов другой национальности заключался в постижении методологии нашего советского театра при сохранении национального своеобразия исполнения.

— Ваши гастроли в Риге подошли, как говорится, к экватору. Возглавляемый вами коллектив талантливейших актеров-единомышленников своими спелыми талантами оставляет неизгладимый след в сердцах и душах благодарной зрительской аудитории. А сами вы довольны гастрольной поездкой?

— Кто-то назвал в свое время театр высокой кафедрой, кто-то говорил о нем как о мудрой школе, вдохновляющей и воспитывающей зрителя. Мне же хочется выразить мысль обратного порядка: и зритель в свою очередь воспитывает театр.

При открытии нынешних гастролей я искренне сказал, что Латвию по праву считают театральной республикой. И все же нас с каждым днем все больше покоряют отменный вкус, высокая требовательность рижских зрителей. Как чутко настраиваются они на волну представления! Со сцены мы не только видим, но и слышим, чувствуем, как доброжелательные рижские театралы вместе с нами думают, размышляют над происходящим в постановке. А что для нас может быть дороже такого контакта со зрительным залом!

Рига была нашему театру дорога тем, что тут на сцене театра русской драмы выступал в свое время выдающийся актер и первый главный режиссер нашего коллектива Андрей Николаевич Лаврентьев. Рижане радовала своим искусством блистательная актриса Мария Федоровна Андреева, стоявшая потом у колыбели нашего театра. Сейчас Рига стала нам еще дороже. Прием, оказываемый коллективу в городе, где живет и трудится блестящая плеяда мастеров латышской драматической сцены, и волнует, и радует.

— Спасибо за беседу. Желаем лично вам и руководимому вами театру новых творческих свершений во славу прославленного советского искусства.

Беседу вел и записал
Я. Бородавский.

Фото Л. Фрицкауса.